

Мясницкий Иван Ильич

Судьба Фалалея

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Судьба Фалалея: Повесть / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
436 с.

ISBN 978-5-519-98456-0

ISBN 978-5-519-98456-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чѣмъ бы, дуракъ, парня въ кувню, а онъ прямо его въ переднюю. На парнѣ валенки, — на-топчетъ онъ, идолъ, валенками-то, аль нѣтъ? Я, говоритъ, ихъ метлой обчищалъ... да что твоя метла, ежели у насъ сичасъ вездѣ паркетъ? Я ужъ ему, батюшка, разуться велѣла.

— Кому разуться?

— А парню-то, котораго кучеръ въ переднюю... Наслѣдитъ вѣдь, деревня, и не увидишь, какъ наслѣдитъ... босой сичасъ въ передней стоитъ... и полушубокъ, кой на парнѣ, снятъ велѣла да на морозъ вывѣситъ, потому у насъ покои чистые, а онъ всякую тварь занести можетъ, — поди, истребляй ее апосля... Въ прошломъ году къ намъ горничная клопа занесла, такъ мы съ хозяйкой цѣльныхъ три мѣсяца выводили... живущъ ужъ очень проклятый... клопъ-то.

— Постой, — разсмѣялся Пустоцвѣтовъ: — а рубашку ты съ парня не сняла?

— Тьфу, тьфу, тьфу! Да что ты, батюшка, ополоумѣлъ, что ли? — замахала руками нянька. — Чтобы я, на старости лѣтъ, стала глядѣть на его голотѣліе... Да озолоти ты меня...

— Глупая! Да въ рубашкѣ-то его, можетъ, больше всякой твари, чѣмъ въ полушубкѣ.

— И то вѣдь, батюшка! Ахъ, я дура старая! Вонъ сичасъ парня изъ покоевъ на дворъ выгоню.

— Постой. Кто онъ, зачѣмъ и отъ кого? — остановилъ Пустоцвѣтовъ всполошившуюся няньку.

— Оалалей онъ. А пришелъ къ тебѣ съ письмомъ отъ кума вашего, Степана Прокофьича.

— Давно бы такъ сказала. Гдѣ письмо?

— А у парня. Парень, по-моему, дурашливый: письма не отдаетъ. „Я, говоритъ, ему, это то-есть, тебѣ, батюшка, самъ отдамъ, ты только доложи“.

— А! Хорошо. Посылай сюда парня, благо ты его босякомъ сдѣлала...

Нянька вышла. Анисимъ Петровичъ потеръ лобъ, вздохнулъ раза два и затѣмъ, схвативъ перо, съ отчаянною рѣшимостію начерталъ на письмѣ: „Съ истиннымъ почтеніемъ пребываю Анисимъ Пустоцвѣтовъ“...

— Кажется, хорошо: „съ истиннымъ почтеніемъ пребываю... пребываю Анисимъ“... Хорошо!—проговорилъ облегченно Пустоцвѣтовъ и, услыжавъ стукъ двери, поднялъ глаза.

Передъ нимъ стоялъ парень лѣтъ двадцати трехъ, босикомъ, въ тиковыхъ полосатыхъ шароварахъ, сходявшихъ къ щиколоткамъ ногъ на „нѣтъ“, и ситцевой рубахѣ „пукетами“.

Росту парень былъ средняго, въ плечахъ широкъ, а въ рукахъ чувствовалась богатырская мускульная сила. Лицо у парня было блѣдно-матовое, со слабымъ, чуть замѣтнымъ розоватымъ оттѣнкомъ; на головѣ—цѣлая копна не чесаныхъ и не холеныхъ кудрей, глаза—„жуками“; вмѣсто бородки,—какъ говорятъ замоскворѣцкія барышни,—одно „предисловіе“, тонкіе выющіеся усики и сверкающій бѣлизной оскаль зубовъ.

— Фу, ты чортъ! — пробормоталъ Пустоцвѣтовъ, любуясь парнемъ: — словно съ картинки сорвался!.. Здравствуй, парень, здравствуй!—ласково проговорилъ онъ, окидывая снова его взглядомъ съ ногъ до головы. — Ты отъ кума? Письмо есть?

— Грамотка, — медленно отвѣтилъ парень, вынимая изъ-за пазухи смятое письмо.

Анисимъ Петровичъ брезгливо взялъ двумя пальцами письмо, осмотрѣлъ его предварительно со всѣхъ сторонъ — не ползаетъ ли по немъ какая-либо мужицкая тварь,—потомъ разорвалъ конвертъ и прочелъ вслухъ „грамотку“:

„Любезный другъ и кумъ Анисимъ Петровичъ! Я слышалъ, что ты расчелъ своего дворника, и посему посылаю тебѣ подателя онаго письма, Өалалея Прыгунова, который придется племянникомъ моему кучеру Никитѣ. Онъ прямо изъ деревни, но такъ думаю, что привыкнетъ къ Москвѣ и будетъ тебѣ служить вѣрой и правдой, судя по его дядѣ, который за него ручается вполне. А ежели не заслужить, то можешь во всякое время въ шею. Кланяйся кумѣ и поцѣлуй крестницу. Что же ты, старый чортъ, не пріѣхалъ...“

На этомъ мѣстѣ Анисимъ Петровичъ прекратилъ чтеніе вслухъ и, пробормотавъ въ видѣ извиненія: „Ну, это тебя не касается“,—дочиталъ письмо „про себя“ и забарабанилъ по столу пальцами.

— Өалалеешь тебя?—справился Пустоцвѣтовъ у переминавашагося съ ноги на ногу парня.

— Өалалей...

— Попъ, должно, у васъ сердитый, Өалалей! Я вотъ къ Петрамъ да Григорьямъ привыкъ, и вдругъ Өалалей! Стигней еще ничего, а Өалалей ничего не стоитъ. Да еще есть ли такой святой-то?—подозрительно воскликнулъ Анисимъ Петровичъ и потянулся за календаремъ.

Парень молчалъ. Оскаливъ свои блестящіе зубы, онъ бросалъ косые взгляды на хозяина и на обстановку кабинета.

— Есть! — не то съ удивленіемъ, не то съ огорченіемъ проговорилъ Пустоцвѣтовъ, бросая календарь. — Конечно, ты не виновать, а все-таки—Оалалей!.. Оалалей, капельки не пролей! Хе-хе-хе! — расхохотался Анисимъ Петровичъ надъ своею остротой.—Водку пьешь?

— Чаво?—съ испугомъ выпалилъ парень.

— Не „чаво“, а водку пьешь, спрашиваю?

— Не балуемся,—самодовольно заявилъ тотъ, почесывая поясницу.

— То-то, — строго проговорилъ хозяинъ: — я пьющаго ни за что не возьму... даромъ мнѣ такого не надо... Ну, что жъ, оставайся... поглядимъ... хорошъ будешь — тебѣ хорошо будетъ... не хорошъ—скатертью дорога... старайся служить, не яко рабъ лукавый и лѣнивый... въ церковь ходишь?

— Ходили. Село отъ насъ въ трехъ верстахъ... батюшка Купріянь проповѣди кажинный праздникъ...

— Грамотный?

— Обучались.

— Это хорошо. Въ участокъ, на примѣръ, придется съ какою бумагой... расписаться въ почтальонской книжкѣ въ полученіи... все это дворникъ обязанъ... сторожить тоже вотъ придется...

— Постараемся, Анисимъ Петровичъ,—поклонился въ поясъ парень.

— Чего не домыслишь, — у кучера спроси. Кучеръ у меня опытный и всякаго дурака можетъ уму-разуму наставить... а насчетъ жалованья какъ?

— Не обидите... чего стою...

— Такъ и уповай: чего будешь стоять, то и получишь... Паспортъ при тебѣ?

— А онъ тутъ... за пазухой, — подѣзъ было парень за пазуху.

— Не надо, самъ себя въ участкѣ пропишешь... Ну, кажется, больше нечего... все тебѣ сказано... помѣщеніе для тебя въ кухнѣ есть... только вотъ насчетъ кухарки... ты женатъ?

— Чаво?

— Женатъ ты или холостой?

— Женатъ,—осклабился парень.

— Бабу чаще въ Москву выписывай, а то я знаю васъ, чертей... нагуляете жиръ съ хозяйскихъ харчей — и пойдете женскую прислугу облапошивать... Еще хорошо, что съ купца на Воспитательный домъ не берутъ, а то просто хоть изъ Москвы вонъ бѣги: задушили налогами!.. Нянька! — крикнулъ Пустоцвѣтовъ заглядывавшей въ отворенную дверь старухѣ: — проводи его въ кухню!..

Парень поклонился и, сопровождаемый едва поспѣвавшею за нимъ нянькой, пролетѣлъ въ переднюю, гдѣ обулъ ноги въ узорчатые валенки и, подхвативъ подъ руку тощій узелокъ, спустя минуты двѣ, очутился внизу, въ просторной кухнѣ съ плитой, русскою печью и деревянными перегородками. Въ противоположномъ углу отъ печи стоялъ деревянный, чисто вымытый столъ и нѣсколько скамеекъ. У плиты копошилась кухарка, среднихъ лѣтъ баба, съ подтыканнымъ подоломъ, засученными по локоть рукавами и краснымъ, какъ кумачъ, лицомъ.

— Дарья! — крикнула нянька, впихивая парня въ кухню: — новаго дворника хозяинъ нанялъ — примай изъ полы въ полу!

За нянькой хлопнула дверь. Парень отыскалъ глазами въ углу потемнѣвшую отъ

кухоннаго чада и копоти икону, покрестился на нее и проговорилъ, отвѣщая поясной поклонъ кухаркѣ:

— Здравствуйте!

— Здравствуй! — кивнула та головой и окинула парня пытливымъ взглядомъ. — Ишь ты... какой! — произнесла она и такъ двинула по плитѣ какую-то сковороду, что съ нея полилось что-то на плиту, закипѣло и мгновенно окутало чадомъ и кухарку и парня, стоявшаго среди кухни съ оскаленнымъ ртомъ.

— Садись, чего стоишь-то! — крикнула на него кухарка, когда чадъ поднялся къ потолку и сталъ ходить по нему волнами; — въ ногахъ правды нѣтъ...

Парень опустилсѣ на первую попавшуюся лавку и положилъ возлѣ себя узелокъ.

— Нанялся? — справилась кухарка, отрываясь отъ плиты и заматывая на макушкѣ распутившуюся прядь волосъ.

— Нанялся.

— Ишь ты... смазливый чортъ! — усмѣхнулась она, подсаживаясь къ парню. — Звать-то какъ?

— Чаво?

— Чаво! Деревня! Въ Москвѣ „чиво-съ“, говорятъ, а не „чаво“... а то „што прикажете“... отъ сохи, стало-быть, прямо? Въ Москвѣ-то не живалъ?

— Впервой...

— Зовутъ-то какъ? Крестили, чай, тебя, чурбана, али нѣтъ?

— Өалалеемъ кличутъ...

— Ба-атюшки!... — ударила кухарка себя по бедрамъ, — Өалалей! Это ужъ не про тебя ли пѣсня поется: „Өалалейюшка, дуралейюшка!..“ Ахъ, ты лѣпшій!.. Изъ какихъ лѣсовъ только такой лѣсовикъ къ намъ? Вологодскій, что ль?..

— Зачѣмъ? Мы—рязанскіе! — усмѣхнулся, съ гордостью посмотрѣвъ на кухарку, парень.

— Рязанецъ кособрюхій! Ты съ чего же это, парень, въ Москву къ намъ надумалъ?

— Хлѣбушка не родилось...

— Жрете много, оттого вамъ Богъ хлѣба вдоволь и не даетъ!—авторитетно проговорила кухарка, помѣшала что-то на сковородѣ и снова подсѣла къ парню. Женатый, поди?

— Жанатъ.

— И дѣти есть?—допытывалась кухарка.

— Нѣтути. Жана у меня дюже хвораеть.

— Помретъ?

— Не вѣдаю. А дюже хвораеть. Въ лежку лежитъ.

— Ммм! — замычала сочувственно кухарка, покачивая головой: — извѣстно, такому парню хвора я жена — одна маета... А это что у тебя въ узелкѣ-то?

— Пара рубахъ... порты... трое портянокъ... два полотенца.

— Экъ тебя имуществомъ-то какъ дома наградили, — на ломовомъ не довезешь, — хихикнула кухарка и хлопнула Ѳалалея по спинѣ.— Ничего, Москва и не такихъ голышей одѣвала... иди, что ль, за перегородку-то, смазливый чортъ... вотъ тутъ тебѣ кровать... подушку-то я, пожалуй, тебѣ покеда свою дамъ, а насчетъ тюфяка ужъ и не знаю какъ... надо раздобыть.

— Покорнѣйше благодаримъ, тетушка Дарья, — отвѣсилъ Ѳалалей поклонъ.

— Ишь вѣдь, какого мнѣ Богъ племянника послалъ!.. Да я отродясь въ теткахъ-то не была... Дарьей Мироновной меня кличъ, а не тетенькой... Жрать, поди, хочешь?

— Охота есть...

— Иди за столъ, лѣшій, я тебѣ сичасъ говядинки... рязанецъ... а мы — тульскія, совсѣмъ земляки.

Въ это время впорхнула въ кухню бѣлобрысая горничная съ завитушками на лбу и, увидавъ новаго дворника, остановилась, какъ вкопанная.

— Батюшки! — вырвалось у ней, наконецъ, — красавецъ писаный!

— Писанъ, да не про тебя, — отвѣтила кухарка и швырнула на столъ миску съ говядиной.

II.

Горничная прищурила маленькіе, подслѣповатые глазки на кухарку, подбоченилась и сплюнула.

— Это, можетъ, тебѣ въ диковину, а мы и не такихъ красавцевъ видывали! — проговорила она, окидывая новаго дворника инспекторскимъ взглядомъ. — Когда я у полковника въ горничныхъ жила, такъ у него, бывало, господа офицера — ровно картинки... Землякъ что ли? Али сродственникъ?

— Разуй глаза-то, не видишь — дворникъ новый, который только-что нанядся...

— Дворникъ? Такъ про тебя значитъ мнѣ сичасъ нянька-то...

— Да тебѣ, Парашъ, что надо-то? — остановила кухарка горничную, подбиравшуюся къ парню.

— Что надо? Коклетку барышнѣ, вотъ что!

— Готова коклета... вотъ она... бери и тащи...

— И возьму... да тебя, голубчикъ, какъ зовутъ-то? — не унималась та.

— Өалалеемъ-дуралеемъ, — отвѣтила кухарка за парня, который, посматривая исподлобья на горничную, съ жадностью опорожнялъ подставленную миску съ говядиной.

— Ахъ, батюшки! Какое необнакновенное имя! — хихикнула горничная. — Да ты, Дарья, врешь, можетъ?

— А вру — спроси у него.

— Өалалей!

— Чаво? — откликнулся парень, съ сожалѣніемъ отставляя отъ себя пустую миску.

— Батюшки, какой лапотникъ.

— Отъ сохи прямо, — ввернула кухарка, подкидывая подъ плиту полѣнья: — учливости тоже отъ деревни захотѣла...

— Смоленскій?

— Рязанскій, — протянулъ парень, крестясь на образъ.

— Совсѣмъ, почитай, земляки...

— Совсѣмъ, да не оченно... тащи коклету-то, Парашка, — остынетъ вѣдь съ твоими разговорами, и меня же хозяйка ругать начнетъ...

— Барышня у насъ горячую коклету кушать не можетъ, потому языкъ у ей горячаго переносить не можетъ... а картофель къ коклетѣ гдѣ?

— Да что ты, всамдѣлѣ, ослѣпла, что ль? У коклеты и картофель...

— Чадъ у тебя пущенъ. Рази можно сквозь чадъ разглядѣть?

— Въ башкѣ у тебя, дѣвка, я вижу, чадъ-то... неси!..

— И понесу, только ты, Өалалей, самоваръ наставь, потому сама проснулась и, вставши, чай кушать будетъ... Умѣешь самоваръ-то наставлятъ?

— Неси коклету-то, безъ тебя всему научу...

— Ужъ ты научишь! Учительница!—бросила кухаркѣ горничная и, схвативъ тарелку съ котлетой, зашуршала юбками.

— Наставляй, Өалалеюшка, самоваръ-то, — показала кухарка парню на пузатый самоваръ, стоявшій на лавкѣ подъ цвѣтною скатертью:— вода вотъ тутъ, а уголья изъ-подъ плиты бери... Да и махонькій наставъ... Чай-то пить будешь?

— Съ охотою, Дарья...

— Мироновна, лѣшій!

— Дарья Мироновна, — схватилъ самоваръ парень.

— Изъ махонькаго мы съ тобой чай пить будемъ, а большой хозяйкѣ понесешь кверху... Самовары-то чистить умѣешь?

— Чищаль.

— Два раза въ недѣлю самовары чистить долженъ. Помни, Өалалеюшка, что ты куфаркѣ въ помочъ данъ. Откараулишь свои часы у воротъ, вычистишь мостовую и — въ куфню. Хозяинъ, али хозяйка куды пошлютъ, сбѣгалъ и—въ куфню. Дровъ поколешь и въ куфню принесешь, воды натаскаешь, въ лавку зачѣмъ сбѣгать—все ты...

— Ладно.

— Что и не такъ сдѣлаешь, все куфарка покрыть можетъ... Только ты старайся...

— Да ужъ я, Дарья Мироновна, во какъ стараться буду .

— Не знаю вотъ, игдѣ только тебѣ тюфякомъ раздобыться... Прутъ тоже, черти, въ Москву безо всего... Не на голыя же доски тебя класть...

— Да у меня полушубокъ... На полушубкѣ могу...